

На сцене — французы

Уже несколько дней на ленинградской сцене снова играют французы. Вначале мы увидели комедию Мариво «Ложные признания», написанную в восемнадцатом веке, насмешливую и живую, где причудливо сочетаются ирония и лиризм. Сюжет замысловат, как изысканное кружево, а в своем существе очень прост, ибо все его нити ведут к вечному торжеству любви. Несмотря на то, что драматический театр Мадлен Рено и Жана-Луи Барро создан в середине нынешнего века, парижане начали свои гастроли старинной пьесой, как бы заявляя, что они чтят и берегут давние традиции национального сценического искусства Франции.

Потом — пантомима современного французского поэта Жака Превра «Сон Пьеро» на музыку Жозефа Косма. В центре ее — образ Батиста (Пьеро), смешная и печальная маска, как бы олицетворяющая черты маленького человека-неудачника, щедрая и наивная душа которого переполнена никому не нужной любовью. Театр показал эту пантомиму в один вечер с пьесой Мариво, демонстрируя синтетическое мастерство актеров и свое стремление к общечеловеческим темам.

Наконец, драма Армана Салакру «Ночи гнева», изображающая дни второй мировой войны, героическое сопротивление французского народа, не склонившегося перед фашизмом. На сцене — патристическая героиня, современные французские люди. Отблески недавних событий гитлеровского нашествия лежат на сосредоточенных и строгих лицах героев спектакля.

Пьеса «Ложные признания», поставленная Жаном-Луи Барро, идет на фоне легких, ажурных декораций Мориса Бриансона и разыграна актерами в элегантных костюмах, каждый из которых является своего рода красочным шедевром. Это — изысканное и вместе с тем непринужденное театральное представление. С комической настойчивостью добивается госпожа Аргант (артистка Мария-Эллен Дасте), чтобы ее дочь Араминта непременно стала женою графа. С не менее упорным лукавством господин Реми (артист Пьер Бертен) занят тем, чтобы его племянник Дорант обязательно женился на особе, обладающей большим состоянием. Но, смеясь над тщеславием и жадностью буржуа, добываясь того, чтобы у героев спектакля, предвкушающих успех выгодной сделки, глаза сощурились от удовольствия, театр никого из персонажей комедии не лишает обаяния. Пусть лоснятся румяные щеки господина Реми, человека, для которого самое главное — хорошо жить; он, как и другие действующие лица, удивительно мил и привлекателен! Можно упрекнуть театр за то, что любовь, разгорающаяся в сердцах Араминты и Доранта, не

вспыхивает у исполнителей этих ролей живым пламенем. Откровенная комедийная театральность характеризует все сценическое действие. Когда Араминта — артистка Мадлен Рено — попадает в ловко составленные любовные сети, комически беспомощное движение ее рук и плеч показывает, что дочь госпожи Аргант бессильна перед лицом страсти, — и зрители смеются.

Главенствует в «Ложных признаниях» веселая жизнерадостность, олицетворенная в спектакле прежде всего в образе слуги Дюбуа. В этой роли артист Жан-Луи Барро вызывает множество ассоциаций, раскрывая озорной и неумный народный характер: и галльский, и «гольдониевский», и карнавалы, и жизненно достоверный. Его Дюбуа, этот умный «слуга двух господ», то взлетающий над сценическими подмостками в веселом и легком прыжке, то комическими жестами издала руководящий поступками своего хозяина, одухотворяет спектакль.

Иным предстает Барро в пантомиме Жака Превра, где он появляется в традиционном облике Пьеро. Его лицо открыто мелом, как будто углем резко подведены глаза, и ярко-красный разрез губ то и дело кривит горькая и печальная гримаса. В белом балахоне с широкими болтающимися рукавами он своими движениями иногда напоминает марионетку, представляется чудесно ожившей куклой. Но нет, перед нами истинно живое существо! Кажется, ощущаешь, как горячее сердце этого Пьеро источает кровь. Его приключения фантастичны, но каждое из них несет ему живую радость и глубокую скорбь, новые мечты и постоянные разочарования. Когда он ловит мотылька и кисти его рук трепещут, повторяя движения крыльев невидимой бабочки, когда простирает ладони, умоляя о помощи, или точно рассчитанными прикосновениями пальцев будто вынимает свое сердце из груди, чтобы отдать его, — все это воспринимается как живая жизнь человека, созданного для любви, но не узнавшего счастья. Поймав мотылька, он отпускает его и радуется тому, что мотылек взвивается высоко в воздух. Проникнув на бал, торжествует только несколько мгновений, чтобы опять закружиться, как сорванный с дерева, гонимый ветром лист, и в финале пантомимы ускользнуть со сцены, вложив в руку мраморной статуи свой цветок — дар безответного чувства. И снова искусство Жана-Луи Барро вызывает множество ассоциаций, вплоть до Чаплина...

Но вот театр играет «Ночи гнева», и происходит новое преобразование. Опять — откровенная условность сценического искусства, но приемы другие, неожиданные по первым двум пьесам. Стремительность, лаконичность,

режиссерской партитуры Жана-Луи Барро и декораций Феликса Лабисса как бы противостоят узорчатой стилизации постановки Мариво и наивной символике пантомимы Превра. Театр хорошо понял, что в пьесе Армана Салакру, где звучит голос человеческой совести, не место каким бы то ни было изощренным сценическим эффектам. В «Ночах гнева» ничто на сцене не затмевает глубокого содержания драмы, ничто не отвлекает от душевной жизни действующих лиц. Идет острый нравственный поединок между людьми, из которых один низок, другой слаб, а те, чьи души мужественны, самоотверженны и чисты, — так просто и человечны. Никто из них не поставлен на котурны. И актеры проникают в самые глубокие внутренние миры своих героев, раскрывают самые тонкие мотивировки их поступков.

И если горестная и глубокая печаль звучит в словах Луизы Кордо (артистка Симон Валер), обращенных к женщинам, любившим лишь однажды и потерявшим своих любимых, то не только гневное негодование, но также грусть сквозит и в отношении театра к душам стойким, грусть о человеческом несовершенстве. Она наполняет взгляд Жана Кордо — артиста Жана-Луи Барро, когда он смотрит на своего товарища, струсившего и предавшего. Жан Кордо в исполнении Барро полон душевной мягкости и обаяния. И как прекрасны его нравственные принципы, и как стойки и требова-

тельны убеждения! Измученный пытками, осмеянный перед зрителями; в всегда опущены усталые ве его глаз. Но какая духовная зоркость отличает этого человека!

Последовательно, постепенно, безо всякой театральности нарочитости и потому особенно беспошадно показывает артист Жан Десаи все града колебаний и падения Берна Базира. Убежденно, по-своему страстно отстаивает свою и зерную обывательскую логику Пьеретт Базир — артист Мадлен Рено. Пьеса Салакру превосходно сыграна всеми исполнителями. Впрочем, а самбля характерен для всевиденных нами спектакль труппы Мадлен Рено и Жана-Луи Барро.

В «Ложных признаниях» изящный юмор, непринужденная грация, веселая игра чувств. В «Сне Пьеро» — гротеск, фантастические гримасы жизни, то наивная прелесть, то графическая острота сценического рисунка. В «Ночах гнева» — высокая духовная жизнь, больш нравственные критерии, патристическая героиня, гуманизм, мужественная простота.

Многоликим и виртуозным предстает в спектаклях французов их сценическое искусство.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

На снимке: французские артисты у Дворца культуры имени Первой пятилетки, где проходят их гастроли.

Фото М. Влохина (ЛЕНТАСС)